

УДК 111.1
ББК Ю 21

Д.С. Малышева

СОЗНАНИЕ ПРОШЛОГО

В результате философского осмысления феномена прошедшего времени показано, что прошлое предстает в сознании в разных формах. Обозначается различие между первичной и вторичной памятью, между памятью и восприятием. Рассматривается возможность ложного и подлинного модуса памяти, а также ответственность человека в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: *теперь, переживание, ретенция, вторичная память, воспоминание, интенция, конституирование, опыт, структура, репродукция, погружение, поток, наложение, ответственность.*

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

Д. Самойлов

Бытие первично является человеку в моменте настоящего, после чего воспринятые моменты постепенно теряют свою ясность и уходят в прошлое. Наше сознание сохраняет особую структуру прошедших мгновений. Мы схватываем реальность в темпорально-конститутивных актах, конституирующих различия времени. Именно они формируют память, как постоянный фон наших переживаний. Все, что мы переживаем, объединяется во «...всеобъемлющем пассивном синтезе в форме непрерывного сознания внутреннего времени» [7, с. 109].

Я воспринимаю сейчас ясно и отчетливо. При этом нет возможности обозначить настоящее как некую точку. Воспринятое непрерывно модифицируется в состояние «только-что-прошедшего». Эту своеобразную модификацию Эдмунд Гуссерль называет ретенциальным сознанием. Ретенция есть первично конституированная память, явно связанная с постоянно новым моментом теперь. Настоящее является нам как граница континуума ретенциального сознания. «*Практически, мы воспринимаем только прошедшее, так как чистое настоящее есть неуловимый ход прошедшего, которое гложет будущее*» [3, с. 568].

© Малышева Д.С., 2012

Малышева Дарья Сергеевна – ассистент кафедры философии и права ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: daria.mal@gmail.com.

Франц Brentano называет модус прошлого ирреальным, основанным на действии продуктивной ассоциации, «...в своей теории интуитивного опыта времени Brentano совершенно не принял в расчет бросающиеся в глаза различия между восприятием времени и фантазией времени...» [1, с. 19].

По утверждению Гуссерля, ретенция не есть ни образ, ни отзвук только-что-прошедшего. Ретенция – есть первичное расширение имманентного мира, она растягивает настоящий момент. В пассивном синтезе сознания воспринятое претерпевает ряд модификаций: от ясного присутствия до неощутимости. Временное сознание привязывает событие к уникальному времени. Событие, уходя во мрак памяти, сохраняет свою качественную и временную идентичность, теряя лишь статус «настоящего».

Момент-теперь подобен ядру кометы, хвост которой – ретенции. Расширение временного поля, на границе которого ретенции ослабевают до полной неощутимости, имеет одно и то же расширение, подобно полю зрения. То, что впоследствии мы можем высмотреть во мраке прошлого, есть вторичная память.

В восприятии мы имеем ядро внимания и горизонт сопровождающих явлений. Именно в такой связке воспринятое переходит в другие модусы. Полный феномен воспоминания конституирует событие в том же виде. Правда, здесь мы сталкиваемся с загадками самого процесса репродукции: возможно ли воссоздание в памяти реально бывшего положения дел? И вопросы, касающиеся психологии: как происходит выборка, по которой одни события запоминаются ясно, другие – искажаются.

Первичная (ретенциальная) и вторичная (репродуктивная) память отличаются качественными характеристиками, которые будут рассмотрены ниже.

Ретенциальное сознание обладает свойством непрерывности. Понятие «точка», которое мы используем при анализе времени, является абстракцией реального процесса. Воспринятый феномен равномерно погружается в глубину памяти. Именно эта непрерывность делает возможным восприятие длящегося объекта, например музыкальной композиции. Уходящие тоны сохраняются в структуре, изначально задуманной автором. Первичная память не является случайным, произвольным феноменом. Иначе мы никогда не сумели бы воспринять гармонию музыки, но слышали бы нагромождение звуков, то вспыхивающих в случайной продуктивной ассоциации, то затухающих вновь.

Таким образом, ретенция не есть фантазия или особого рода ощущение, но фиксация воспринятого в постоянно расширяющемся, но сохраняющем идентичность, континууме личной памяти. Воспринятое и уходящее в прошлое событие претерпевает ряд оттенков: от вот-только-что до затухания первой памяти. Можно сравнить этот феномен с градиентной заливкой краской.

События, запечатленные в памяти, не всегда дают нам строгую информацию о реально бывшем бытии. В отношении первичной памяти мы можем утверждать, что она является столь же определенной, как и момент настоящего. В ретенции происходит первичная фиксация живого настоящего: ясное восприятие переходит в ясное сознание только-что-бывшего¹.

Гуссерль выделяет в своем исследовании времени феномен репродуктивного сознания. Воспоминание и сознание будущего времени являются репродуктивными модусами. Полный феномен воспоминания конституируется как полный феномен восприятия. Воспоминание есть как будто вновь-восприятие.

Часто время описывают в образе линии, направленной от прошлого к будущему. Но, кроме этой линии, есть вторая – линия, отражающая процесс создания прошлого (AA"). Прошлое возникает совместно с настоящим, а не уходит. Так, на рис. 1 воспроизведена классическая схема внутреннего сознания времени, где точки А, Р, Е есть последовательные моменты настоящего. Точки А', Р', А" – ретенции. Сознание теперь – вертикаль EA". Глубже А" находится то удержанное в сознании восприятие, первичная память которого потухла.

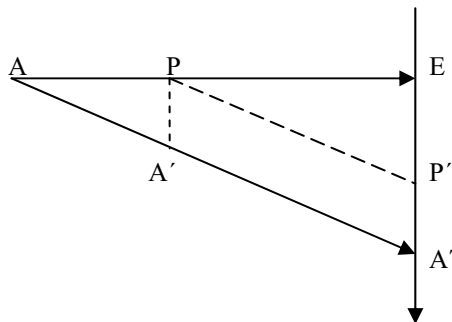

Рис. 1. Классическая схема внутреннего сознания времени

Процесс воспоминания есть реконструкция прошлого опыта. Заметим, что реконструировать можно то, что однажды было сконструировано, а именно в первичном опыте времени. В процессе воспоминания репродуцированное бывшее-настоящее протекает с тем же первичными фазами (ретенция-теперь-протенция). Сам процесс воспоминания встраивается в ряд первичных впечатлений в едином процессе настоящего. В реальном опыте мы получаем наслоение воспоминания на длящееся настоящее (рис. 2).

¹ Здесь мы имеем в виду очевидность имманентного созерцания. Например, я вижу некий предмет. Затем, я осознаю, что только что видел его. Очевидности реального бытия этого предмета мы не касаемся в своем исследовании.

Настоящее – это единственное, что нам доступно. Августин Блаженный в «Исповеди» пишет, что нет нигде прошлого, но есть «настоящее прошедшего» [2, с. 256], т.е. мир нашей памяти.

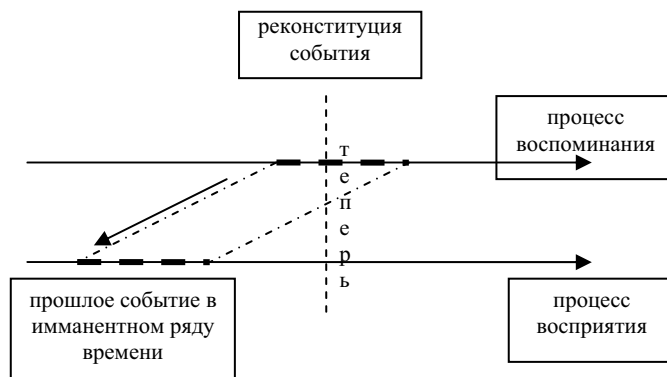

Рис. 2. Схема процесса воспоминания

Процесс воспоминания, в отличие от первичной памяти, феноменально предстает как дискретный. Из всего своего прошлого я могу реально помнить отдельные моменты, пробелы между которыми затягиваются вероятными событиями, которые «могли быть» в это время и в этом месте. Я не могу помнить каждый день своей жизни в подробностях. Известно, что похожие воспоминания наслаиваются друг на друга так, что выделить уникальные становится практически невозможно.

Репродукция является областью, где человек действует свободно. Осуществлять воспоминание можно быстрее или медленнее, сбивчиво или точно, с любой произвольной точки. Воспоминание – это сфера, в которой я могу осуществлять «свободное пробегание» [1, с. 52], сообразно намерению. Можно остановить процесс репродуцированного события, проанализировать и получить информацию. Здесь скрыт особый дар человека – возможность осознанного опыта времени.

«Воспоминание может встречаться в различных формах осуществления. Мы осуществляем его или в простом подхватывании (Zugreifen), когда воспоминание “всплывает”, и мы направляем на вспомненное некоторый луч взгляда, при этом вспомненное смутно, возможно [оно] предъявляет для созерцания предпочитаемую моментальную фазу...» [1, с. 41]. Или мы осуществляем действительно воспроизводящее, повторяющее воспоминание, в котором временной предмет снова полностью выстраивается в континууме воспроизведений. Мы как бы вновь воспринимаем.

Бывшее-настоящее в модусе репродукции видится «как через вуаль» [1, с. 52]. Чем яснее было первоначальное восприятие, тем более отчетливым

должно быть воспоминание. Гуссерль выделяет ошибки памяти двух видов. Ошибки, присущие самому процессу репродукции. Например, когда наша реальная память подменяется словесным описанием события. Второй тип ошибок связан с восприятием трансцендентного объекта. А именно – если предметная интенция изначально была схвачена ложно, то эта ошибка пронизывает весь процесс памяти.

В процесс восприятия включена структура протенций, первичного типа ожидания, направленного на ближайшее будущее. Протенции в настоящем представляют собой оживляющий фактор, поскольку открывают возможность другого бытия. В процессе воспоминания интенции ожидания наполнены, причем неосознанно, вплоть до актуального настоящего. Воспоминание всегда имплицитно выстроено до момента-теперь. Оно существует в потоке гомогенного времени.

Репродукция – есть второго рода интенциональность², ибо это всегда воспроизведение чего-либо. Временной объект имеет два компонента: длительность содержания и временное положение. Оба они конституируются в первичном сознании. Воспоминание охватывает оба момента, поскольку и воспроизводит саму длительность, и включает интенции, относящиеся к конкретному положению в объективном времени (см. рис. 2). В репродуктивном сознании имеем воспроизведенную длительность как передний план, и фон схватывания – интенции включения в определенный порядок.

Воспоминание можно назвать воскрешением ушедшего во мрак настоящего. Я не вспоминаю, что воспринял нечто, но внутри себя как бы вновь вижу объект. В теперь созерцаю не-теперь. Предмет в воспоминании дан как настоящий, но я схватываю это настоящее как прошедшее по отношению к актуальному теперь (см. рис. 2). Также следует отметить, что воспоминание – это вид полагающей репродукции. Репродуцированное явление включено в порядок реальной связи внутреннего времени.

Воспоминание, которое описывает Гуссерль в «Феноменологии внутреннего сознания времени», есть подлинный модус репродуктивного сознания прошлого. В своем внутреннем опыте времени автор статьи находит второй модус сознания прошлого: «описание».

Гуссерль называет прошедший интервал мертвым, не одушевленным производящей точкой теперь. События, протекая, естественно приобретают перспективную туманность, пока не теряются полностью во мраке. Без забвения наше сознание не могло бы быть полностью сконцентрировано теперь, мы были бы не адекватны, как гипотетический человек, у которого нарушено восприятие пространства, пытается рукой схватить вершину горы.

Каждый человек есть открытый временной континуум. События его жизни, их следы составляют его память. Память символически можно представить

² Интенциональность первого рода: «сознание о...». – Прим. авт.

как темный лес, в который возможно проникнуть. Настоящее воспоминание – это прогулка по лесу собственной души, воспоминание-описание – довольство только картой этого леса, где пунктиром размечены тропинки. Это разные феноменальные уровни переживания под названием «воспоминание».

Мы отдаем должное забвению, говоря, что оно покрывает старые раны. Фразу «время лечит» интерпретируют так: мир приносит новое, которое позволяет оттеснить и приглушить прошлую боль, обиды, гнев. По мнению автора, время может излечить только в случае, если человек не отгоняет воспоминания, не изменяет их по своему усмотрению, ради иллюзии покоя, но выпускает прошлое в настоящее, вновь-переживает его.

Воспоминание возможно осуществить как «воскрешение» бывшего-настоящего (умершего «того тебя», «той ситуации»). Автор полагает, что умение высвободить воспоминание от забвения вплоть до деталей – не есть фантазия. Такой опыт требует самоконтроля, поскольку человек может неосознанно обманывать себя, перекраивая воспоминание. Как говорилось выше, переживание прошлого есть переживание настоящего, ставшего прошлым (реальность в модусе «бывшего настоящего»). Человеку полезно научиться рассматривать свое прошлое, отделяя привнесенную фантазию от бывшего воспринятым бытия.

Воспоминание-описание есть выражение прошедшего события в форме рассказа или образа. Сознание ежеминутно получает новые впечатления. Вытесненное настоящим, воспоминание теряет свою живость. Дабы сохранить его, мы облекаем происходившие события в форму слов, тем самым, «замораживаем» прошедшее. Человек часто сталкивается с такого рода «воспоминанием». Этот феномен мы называем вспомогательным модусом сознания.

Воспоминание-проживание есть вновь-конституирование прошедшего события. Событие прошлого выносится на свет настоящего сознания, обретается его реальное значение и смысл для настоящего. Воспоминание-описание оставляет событие неосознанным, поскольку впечатление утихло, утихла и душа, отзывавшаяся на него. Мераб Мамардашвили обращает наше внимание, что и настоящее можно воспринимать не отчетливо, скрывая от самого себя священный ужас реального. Увидеть реальность, без оправданий и без надежды страшно, ибо в этом акте мы открываем свое истинное лицо и яростный мир. «Этот акт можно назвать обостренным чувством сознания» [4].

Наше сознание конституирует время. Это значит, что мы выстраиваем на основе опыта и пассивных имманентных законов структуру прошлого и возможность будущего опыта. В настоящем же нам открывается реальность. Прошлое-описание прилепляется к сознанию так, что человек смотрит на настоящее через призму прошлого опыта. Я смотрю и не вижу. Это «...ситуация слепоты, то есть ситуация того, что есть что-то, что мы должны знать, а мы не знаем; что-то, с чем мы встречаемся и что принадлежит нам, а мы не видим» [4].

Восприятие затуманено описанием. Взгляд только мелькнул по поверхности явления, но, благодаря инерции прошлого, готов ответ: вот стул, а вот человек. Можно описать восприятие человека как наложение. Я воспринимаю не чистое настоящее.

Феноменально, более важный [для меня] слой может проступать через менее важный. Подлинная память есть своего рода прорыв в настоящем. Так, воспринимая зимний луг, я могу видеть внутренним взором, как летний луг просвечивает в нем. То, что мы помним есть реально-бывшее, в отличие от самого воспоминания, которое реконструирует. Поскольку воспоминание является «средством *открытия* того, что “действительно” прошло, а стало быть, того, что было актуально в давнем “теперь”, оно утратило бы всякую ценность истины, если бы то, что прошло, было бы как-то только интенционально намечено и создано, если бы не позволяло себя *обнаружить* в своем особом “*in actu fuisse*”, а именно как то, что в своем собственном бытии и даже в своем наделении [*uposazenie*] является бытийно независимым от воспоминания и заключения» [5, с. 153].

Прошлое и настоящее равноправные составляющие внутреннего мира человека. Особенно, это проясняет феномен сновидения. То, что в реальности дается мне как прошлое, во сне может представлять настоящим, вызывая ту гамму чувств, которые соответствуют переживанию жизни. «Логические категории мышления при бодрствовании носят пространственно-временной характер» [8, с. 44]. Так, если в состоянии бодрствования я думаю о человеке, которого не видел многие годы, я воспринимаю его именно как отсутствующего, несмотря на то, что моя мысль преодолевает время и пространство. «Если мне этот человек снится, я воспринимаю его так, как будто он или она присутствует» [8, с. 45].

Прошлое и настоящее связаны через понятие ответственности. Прошлое в настоящем живо, поскольку события, в которых человек принимал участие, *реально* были, поэтому их результат, сохраненные или уничтоженные ценности, остается значимым. В настоящем мы можем принимать ответственность за совершенные прежде поступки или «отключать» ее. Но «...человек, который на что-то решается и сознает, что выбирает не только свое собственное бытие, но что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и глубокой ответственности. Правда, многие не ведают никакой тревоги, но мы считаем, что эти люди прячут это чувство, бегут от него» [6]. Существует возможность прятать от себя тревогу и память.

Отдельно стоит проблема настоящего. Выше было сказано, что настоящее я вижу ясно и в нем – свободен. Но известно, что время настоящего я могу заполнять или оставлять пустым. Могу «проявляться» в настоящем, но могу и упускать его. Осознание времени – это постоянный труд души. Мераб Мамар-

дашвили пишет о сложности сознании присутствия: «...то есть нужно совершать усилие, чтобы оставаться живым. Мы ведь на уровне нашей интуиции знаем, что не все живо, что кажется живым. Многое из того, что мы испытываем, что мы думаем и делаем, – мертво. Мертво (в простом, начальном смысле, я пока более сложные смыслы не буду вводить), потому что подражание чему-то другому – не твоя мысль, а чужая. Мертво, потому что это не твое подлинное, собственное чувство, а стереотипное, стандартное, не то, которое ты испытываешь сам» [4]. Стереотипы и стандарты вуалируют настоящее. Ведь каждый новый опыт может принести информацию, которая не подтвердит, а опровергнет старые абстрактные представления о действительности.

Проблема осознания времени находится в тесной связи с осмыслением жизни человека. Пока прошлое более значимо, чем настоящее; пока инерция моего сознания такова, что настоящее представляется мне тонкой пленкой на поверхности многослойной жизни, я не смогу осознать продуктивного характера настоящего. Ответственность есть именно внимание к реальности в настоящем. Именно в настоящем я отвечаю за прошлое и создаю фундамент для будущего. Прошлое есть глубина жизни, постоянно присутствующий скрытый фон моих переживаний.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Логос, 1994.
2. Августин Блаженный. Исповедь. – Минск: Изд-во Белорус. Экзархата, 2000.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: пер. с фр. – Минск: Харвест, 1999.
4. Мамардашвили М. Психологическая топология пути [Электронный ресурс]. – URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/mamardashvili-topology.htm#_Toc76566142 (дата обращения: 11.03.2012).
5. Ингарден Р. Книжечка о человеке. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
6. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.countries.ru/library/texts/sartre.htm> (дата обращения: 10.05.2012).
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2006.
8. Фромм Э. Забытый язык. – М.: АСТ: Астрель, 2010.

Получено 21.05.2012

D.S. Malysheva

THE PERCEPTION OF THE PAST

Philosophical understanding of the phenomenon of the past results in different manifestations of the past in human consciousness. The paper marks the difference between primary and secondary memory, between memory and perception. The author examines the potentiality of false and true modes of memory as well as the responsibility of a human in past and in future.

Keywords: the present, retention, secondary memory, recollection, intention, constituionalization, experience, structure, reproduction, immersion, stream, juxtaposition, responsibility.